

Франц Кафка

Певица Жозефина, или Мышиный народец

*Часть сборника
Превращение (сборник)*

Франц Кафка

**Певица Жозефина, или
Мышинный народец**

«ЭКСМО»

1923

Кафка Ф.

Певица Жозефина, или Мышиный народец / Ф. Кафка — «Эксмо»,
1923

ISBN 978-5-457-97416-6

«Нашу певицу зовут Жозефина. Кто ее не слышал, тот не ведает, какой может быть магия пения. Нет человека, который не потерял бы голову от ее пения, что особенно следует оценить, если вспомнить, что народец наш не очень-то любит музыку. Уют и покой – вот для него лучшая музыка; ведь живется нам тяжело, и мы, если и пытаемся стряхнуть с себя груз посконных забот, то все одно не воспаряем в такие далековатые сферы, как музыка. И – никаких по сему поводу огорчений; еще не хватало; вот изрядная деловитость и хватка – это да, это веселит нас и утешает; что же до музыкальных радостей, какие нам не даны, то мы легко миримся с их отсутствием, как и с другими лишениями. Только Жозефина среди нас исключение; она-то музыку любит и умеет ее исполнять; но она одна такая, с ее уходом исчезнет из нашей жизни и музыка – и никто не может знать, как надолго...»

ISBN 978-5-457-97416-6

© Кафка Ф., 1923
© Эксмо, 1923

Франц Кафка

Певица Жозефина, или Мышиный народец

© Ю. Архипов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Нашу певицу зовут Жозефина. Кто ее не слышал, тот не ведает, какой может быть магия пения. Нет человека, который не потерял бы голову от ее пения, что особенно следует оценить, если вспомнить, что народец наш не очень-то любит музыку. Уют и покой – вот для него лучшая музыка; ведь живется нам тяжело, и мы, если и пытаемся стряхнуть с себя груз посконных забот, то все одно не воспаряем в такие далековатые сферы, как музыка. И – никаких по сему поводу огорчений; еще не хватало; вот изрядная деловитость и хватка – это да, это веселит нас и утешает; что же до музыкальных радостей, какие нам не даны, то мы легко миримся с их отсутствием, как и с другими лишениями. Только Жозефина среди нас исключение; она-то музыку любит и умеет ее исполнять; но она одна такая, с ее уходом исчезнет из нашей жизни и музыка – и никто не может знать, как надолго.

Я не раз ломал себе голову над вопросом, что же это делается у нас с музыкой. Ведь мы напрочь лишены музыкального слуха, отчего же тогда мы понимаем, как хорошо поет Жозефина, или, поскольку сама она это отрицает, думаем, что понимаем. Простейшим ответом был бы такой: красота этого пения столь восхитительна, что завораживает и тупицу, но такой ответ не может удовлетворить. Будь это так, ее пение производило бы на нас впечатление чего-то необычайного, чего мы никогда не слышали прежде и не способны были бы услышать, если бы не Жозефина. Но ведь этого нет, и не один я держусь этого мнения, так думают все. В разговорах сколько-нибудь откровенных мы все признаем, что ничего такого уж чрезвычайного в том, как поет Жозефина, на самом-то деле нет.

Да и можно ли назвать это пением? Пусть мы не ахти как музыкальны, но ведь кое-какие традиции живы; в прежние-то времена народ наш знал толк в пении, о том сохранились и предания, и даже слова этих песен, которые, правда, никто больше петь не умеет. То есть кое-какое представление о пении у нас есть, а Жозефино искусство, по правде говоря, этому представлению не соответствует. Да и можно ли назвать это пением? Может, это всего лишь присвистывание? А уж писклявым присвистом владеем мы все, собственно, это и есть природная способность нашего народца или, точнее, способ самовыражения. Все мы попискиваем, но ведь никому и в голову не приходит выдавать это за некое искусство; мы пищим себе и пищим, не придавая писку своему значения, даже не замечая его, многие среди нас и не подозревают, что владеют чем-то, присущим только нашему племени. Однако если б и вправду так было, что Жозефина не поет, а только пищит, не выходя при этом за пределы обычного писка, более того, явно уступая силе пения какого-нибудь заурядного землекопа, насвистывающего что-то день-деньской себе под нос за работой, если б все так и было, то мнимое искусство Жозефины хоть и было бы опровергнуто, однако загадка его воздействия все равно осталась бы неразрешимой.

Нет, она не просто попискивает, как другие. Конечно, если слушать ее, встав поодаль или вовсе пытаясь вычленить ее голосок из общего гомона, то ничего такого особенного не расслышишь, ее голосок может показаться даже слабеньким, слишком нежным. Но когда стоишь прямо перед ней, о, тогда понимаешь, что не в присвисте дело; чтобы оценить это

искусство, ее нужно видеть, не только слышать. Тут не звук один, пусть вроде бы и обычный, действует, но то, как, производя его, некто застыл в величавой позе. Грызть орехи – не хитрая штука, и никому не придет в голову собирать публику ради этого действия. А если кто-то это все-таки делает, и с успехом, – значит, дело тут в чем-то другом. Хотя, может статься, щелкун этот не преследует иной цели, как только грызть перед нами орехи, но мы-то внезапно осознаем, что проглядели это искусство, потому что сызмальства им владеем, и, возможно, лучше, чем он.

Видимо, так обстоит и с Жозефиным пением; мы в восхищении от того, чем в себе самих не стали бы восхищаться; кстати, сама она держится точно того же мнения. Раз кто-то при мне на концерте ее заметил, что вообще-то присвист широко распространен в нашем народце, скромненько так заметил – но как же тут взвилась Жозефина! Такой надменной, презрительной гримасы не доводилось мне еще видеть; и какой же безвкусной пошлячкой предстала вдруг она, та, в которой мы привыкли видеть воплощенную изысканность и нежность; впрочем, она со свойственной ей чуткостью тут же спохватилась и быстренько удалила гримасу. Как бы там ни было, но она отрицает связь между своим искусством и обычным писком. Тех же, кто держится противоположного мнения, она презирает и, по-видимому, тайком ненавидит. И тут не одно тщеславие, ведь и противная ей сторона, к которой я тоже склоняюсь, восхищается ею ничуть не менее, чем толпа; но ей мало обычного восхищения, она требует, чтобы беспредельно восхищались ею одной. И когда сидишь прямо перед ней, понимаешь, что так и надо; сопротивляться ей можно только издалека; сидя перед ней, понимаешь: то, что она делает, и не писк вовсе.

А поскольку пищать – дело нам привычное, для нас незаметное, то можно подумать, что на концертах Жозефины стоял сплошной писк; ведь слушать ее нам было отрадно, а когда на душе у нас хорошо, то мы и попискиваем себе невольно; но тут все было не так, в зале царил тишина; мы молчали, внимая блаженству, которому оказывались сопричастны и которое мы боялись спугнуть. Само ли пение нас так восхищало или то безмолвие, что его окружало? Однажды случилось, что какая-то глупая кроха, заслушавшись пением Жозефины, неожиданно примешала к нему свой голосок. Разницы, в сущности, никакой, тот же писк, что на сцене, только не привычно уверенный в себе, а оглашенный по-детски; но мы все зашикали и затопали на нарушительницу покоя – без особой, впрочем, нужды: она и сама, без нашего вмешательства, умолкла бы от смущения; победный же глас Жозефины зазвенел еще громче, сопровождаемый воздеванием рук и предельным запрокидыванием головы.

И так с нею всегда: малейшим, случайнейшим пустяком, любой помехой, будь то скрип паркета, скрежет зубов, неисправность освещения, – словом, любой заминкой Жозефина пользуется для того, чтобы увеличить эффект от своего пения. Ведь она полагает, что слушатели ее – глухие; и пусть в овациях и комплиментах нет недостатка, однако на истинное понимание, как она давно уже заметила, надеяться ей не приходится. Потому-то так рада она любой помехе; ведь все, что примешивается извне к ее пению, вызывает ее сопротивление, требует преодоления, и только таким образом, напряжением борьбы, она может расшевелить толпу, привить ей если не понимание, то хотя бы невольное уважение. Но если даже всякая малость идет ей на пользу, то что говорить о чем-то большом! Наша жизнь весьма неспокойна, что ни день, то новые неприятности, страхи, надежды и ужасы; любому из нас все это было бы не по силам, если б не ежедневная и еженощная поддержка товарищей; однако и ее бывает недостаточно; иной раз и тысячи плеч содрогаются от ноши, уготованной одному. И тогда настает час Жозефины. Она встает перед нами, нежная, хрупкая, и поет – все тельце ее аж сотрясается от натуги, кажется, что все свои силы без остатка она вложила в пение, исчерпала себя до самого донышка, и так, обнаженная, она вся во власти стихий, под защитой добрых духов, без которой ее походка уничтожило бы любое холодное дуновение. Видя ее в таком иступлении, мы, мнимые противники ее, говорим друг другу: «О каком пении тут

речь, так напрягаться, так рвать жилы – чтобы только попискивать, как умеем мы все!» Так нам представляется, но, как сказано, это первое, поверхностное впечатление удерживается не надолго. И вот уже мы сливаемся с толпой и тоже слушаем ее, затаив дыхание и тесно прижавшись друг к другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.